

респондентов, отметивших вариант ответа на вопрос о значимости работы «Работа для меня – не самое главное. Есть вещи, которые значат для меня гораздо больше».

Таким образом, проведенное исследование фиксирует невысокий рейтинг в молодежном сознании системы образования в России. Об этом свидетельствует низкий уровень удовлетворенности нынешней системой образования. Только четверть участвующих в исследовании оценили ее как хорошую. Особенно высокий уровень неудовлетворенности (свыше четырех пятых) высказан респондентами по обучению в средней школе. Наибольшее число респондентов указало на низкое качество образования. В высшей школе практически половина респондентов отметила свое недовольство несоответствием образования спросу на рынке труда.

Мнение студентов о последствиях проводимого реформирования высшей школы нельзя определить однозначно. Опрошенные признают как положительные изменения в системе образования, так и негативные. Но если суммировать полученные результаты по оценке студентами хода реформ, то можно сделать вывод о том, что доля неудовлетворенных реформами существенно больше. Важность этих данных актуализируется тем обстоятельством, что ценности образования в значительной мере определяют ориентации личности на подготовку к конкретной трудовой деятельности, ее профессиональное становление и формирование мотивационного механизма труда.

УДК 32.019.51

КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕНТ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ (на примере г. Ельца Липецкой области)

А. В. Скиперских

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
E-mail: pisatels@mail.ru

В статье раскрываются особенности демонстрации культурного контента в политическом тексте современной российской провинции. Для поддержания собственной легитимности правящая элита всё чаще обращается за смыслами, продуцируемыми культурным дискурсом. Использование культурного содержания в политических практиках власти отмечается всё чаще и нарастает по мере приближения нового электорального цикла.

Ключевые слова: власть, дискурс, легитимность, легитимация, интеллектуалы, политический текст.

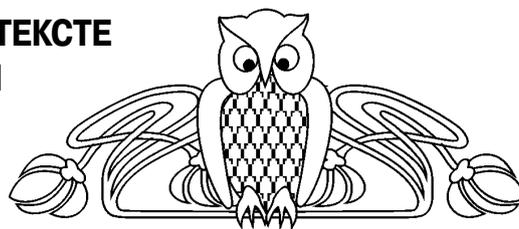
Cultural Content in Political Texts Contemporary Russian Province (on an Example of the Yelets, Lipetsk Region)

A. V. Skiperskikh

The article describes the features of the cultural content in the demonstration of political texts in modern Russian province. To

Примечания

- ¹ В основе анализа лежат материалы двух социологических исследований: 1) исследование (март-апрель 2011 г.) по выявлению социального самочувствия студенческой молодежи столицы. Объект исследования – молодежь, обучающаяся в пяти вузах Казани, в возрасте от 17 до 23 лет: Казанском (Приволжском) федеральном университете, Казанском государственном технологическом университете, Казанском государственном техническом университете им. Туполева, Казанском государственном архитектурно-строительном университете, Казанском государственном энергетическом университете. В качестве генеральной совокупности для определения объема выборки была взята численность указанной группы населения, которая в соответствии с данными Госкомстата РТ составляла 140000 человек. Выборочная совокупность составила 540 человек и представляла различные категории молодежи в зависимости от возрастных, профессиональных и территориальных признаков. Используя исходные данные государственной статистики и применяя типичную выборку с комбинацией методом квот, ее объем подсчитан с относительной ошибкой в каждой группе не более 5%; 2) исследование (ноябрь-декабрь 2011 г.) по выявлению динамики политических предпочтений и ориентаций студенческой молодежи Казани, выборочная совокупность которого составила 540 человек и характеризуется следующими показателями: из общего числа респондентов мужчины составляли 37%, женщины – 63%, из них проживающих в Казани – 54%, в городах и поселках – 17%, в селе – 29%.

maintain its legitimacy the ruling elite is increasingly turning for meaning produced cultural discourse. The modern political practice show authorities noted more often cultural contents.

Key words: power, discourse, legitimacy, legitimation, intellectuals, political text.

Политический текст представляется аудитории не только в неких объективных политических ситуациях, экономических достижениях и неудачах политики, осуществляемой властью в целом. Наряду с подобным представлением, политический нарратив может быть скрыт в культурных продуктах, продуцируемых и реализуемых в публичном пространстве.

Наращивание культурного компонента в политическом тексте происходит постоянно.

Именно культурные смыслы, которые раскрываются посредством символов и знаков, выступают оптимальным полем для экспериментов власти с сознанием объекта власти, с его языковым миром. Данное стремление власти может также объясняться и в контексте постоянного совершенствования практик политического насилия, приобретающих всё более латентные и завуалированные формы.

Эффективность подобного давления на общественное сознание определить достаточно сложно. Формулируя культурные смыслы, апеллируя к культурной идентичности российской провинции, акцентируя внимание на важных и решающих для себя метафорах, правящая элита, в принципе, может удерживать внимание репрезентативного провинциала. С другой стороны, в структуре российской провинции существуют и группы, критически рефлексирющие на практически односторонние попытки городского правящего класса по формулированию культурных смыслов провинции.

В этом смысле объективна попытка власти сыграть на стороне носителей низкого вкуса – большинства горожан, периодически восстающих и категорично заявляющих о своём праве на культурный дискурс. Культурные смыслы представляют для правящей элиты провинции довольно серьёзный легитимационный капитал. Именно данное обстоятельство позволяет власти акцентировать внимание недостаточно искушённой аудитории горожан на визуальных (внешних) эффектах. Данный акцент рассчитан ещё и на «органических» интеллектуалов, которых когда-то определил А. Грамши как тех, кто встроен в существующий порядок и не подвергает политический строй критическим рефлексиям. Органические интеллектуалы появляются вместе с новыми институтами системы и новыми социальными практиками, постоянно усложняющимися. В то же время происходит забвение важных публичных дискурсов, вовлекающих в себя городских интеллектуалов, принадлежащих, тяготеющих скорее к несистемным мирам, к периферии, стремящихся преодолеть давление власти. При частых ярмарках и событийных мероприятиях, поддерживающих миф о Ельце как о культурном и туристическом средоточье, в городе совершенно отсутствуют площадки, где могла бы высказываться творческая и интеллектуальная элита, тяготеющая к оппозиционности и альтернативной системе повседневной текучести.

Для современной российской провинции и конкретно для Ельца характерно практическое отсутствие сопротивления инициативам власти в её размашистом освоении города в собственных бизнес-интересах, замаскированных под туристско-рекреационную зону «Елец». С другой стороны, в городе существует довольно многочисленная армия бюджетников, выступающих агентами культурной социализации, происходящей в

интересах городской власти. Именно работники бюджетной сферы являются основанием, маркируемым символическим культурным кодом, в котором демонстрируется сама власть. Среди них значимое место занимают интеллектуалы, доверие которых может представлять собой довольно солидный символический капитал в условиях г. Ельца.

Лояльная позиция встроенных во власть представителей культурной элиты является дополнительным стимулом, провоцирующим городскую власть на легитимацию посредством изменения культурного ландшафта. В своё время в городе практически не обсуждалась справедливость установки памятной стелы на месте, представляющем серьёзное значение в перспективе археологических изысканий. Равно как и практически отсутствовали попытки осуждения грядущей расправы городской власти над единственной в городе зелёной зоной ради строительства многоквартирного дома. Справедливости ради следует отметить, что какие-то попытки возмущения позволили придать форму уличному протесту – кратковременную и довольно хаотическую по своему характеру. Возле парка 40-летия Октября прошло несколько мероприятий, в которых принимали участие жители близлежащего микрорайона и несогласная молодёжь. Уличный протест приобрёл форму стихийных акций в поддержку зелёной зоны, а также одиночных пикетов.

Органические интеллектуалы российской провинции сегодня активно включаются в инициативы власти по формулированию новых смыслов, по заполнению символического вакуума пустых мест – холодных альтернативных зон. Отказаться поддержать власть в её творчестве сегодня *страшно*, именно чувством страха за собственное настоящее и будущее руководствуется интеллектуал. Поддержка инициатив городского правящего класса сталкивает органического интеллектуала с другими интеллектуалами, представляющими оппозиционное, контркультурное сообщество. Дистанция между двумя культурными философиями становится всё осязаемее. В таком городе, как Елец, некогда симпатизировавшие друг другу люди могут перестать общаться, да и вообще замечать друг друга только из-за различия в степени близости к власти, к её местоблюстительским и морализаторским наклонностям. Теплота духовного и физического контакта друзей и приятелей сегодня разменивается на казённый холод, на пластиковые стаканы корпоратива. Как справедливо отмечает А. Ильин, «сегодня страх власти проявляется не так сильно, но на его место встал страх потерять должность, статус, рабочее место и т. д., что заставляет человека превращаться в обывателя, рафинированного конъюнктурщика, заботящегося только о личном благе и забывшего ценности общественной пользы»¹.

Конечно, сложно было бы допустить, что органический интеллектуал проигрывает своему

визави из оппозиционной, контркультурной среды. Политика власти находит поддержку и среди настоящих профессионалов, авторитет которых является очевидным. Как однажды отметил Э. Лимонов, обращаясь к собирательной несистемной оппозиции в период известных антипутинских митингов: «По количеству авторитетов вы с ними равны, а качество Башмета или Гергиева выше, а не ниже качества Шевчука или Троицкого, вы хоть понимаете это?»²

Этим они и интересны власти, находящейся в постоянной охоте за медийными, известными персоналиями, потому как именно с помощью их продукта и формируется совокупный культурный компонент политического текста. Как отмечает А. Глухова, для интеллектуалов всегда представляется принципиальным «участие в публичных дискуссиях своего времени, определении их тематики и отражение их направления»³, поэтому, возможно, вопрос их политических предпочтений окажется уже вторичным. Куда важнее необходимость присутствия в эпицентре события, в его ядре, выпускающем из себя событийную, повседневную массу. Вспомним М. Хайдеггера, симпатизирующего А. Гитлеру, вспомним представителей советского искусства времён И. Сталина. Безусловно, порождаемый ими культурный текст вряд ли может вызывать какие-то концептуальные, системные вопросы к своей форме.

Отказавшись от претензий подвести под практики политической легитимации прочный экономический фундамент, правящая элита смещает акценты на культурный компонент. Формирование особой, елецкой, идентичности в настоящий момент является одной из важных задач городской власти. Попытки сплотить в рамках патриотической идеологии горожан, уважающих культурное наследие Ельца, становятся настолько демонстративными и навязчивыми, что в конечном итоге могут привести к некоему культурному абсентизму, напоминающему его политический аналог. При этом необходимо отметить, что отсутствие дискуссии и обсуждения проводимой культурной политики в городе уже сформировало группы несогласных – провинциальный вариант «рассерженных горожан», вынужденных заполнять альтернативные зоны, обживать их, наполняя собственное бытие философией сопротивления и контркультурными смыслами. Тем объективнее раздражение самого правящего класса, у которого пытаются отобрать монопольное право на формулирование культурных смыслов. Весна и лето в Ельце – время политических перформансов несистемной оппозиции, вызвавших недоумение городской власти своей эстетической смелостью. Власть не успевает за своеобразной несистемной оппозицией, значительно проигрывая ей в скорости разворачивания культурных событий.

Сценарии, по которым может демонстрироваться политический протест в современной российской провинции, свидетельствуют, что он

является привлекательным лишь для небольшой группы несогласных горожан, нуждающихся, по словам Ж.-Ф. Лиотара, в «непрестанном поиске новых представлений и объективаций»⁴. В этом протесте в значительной степени присутствует культурная составляющая. Довольно агрессивная культурная политика городской власти вступает в диссонанс с эстетическими мирами несогласных. Культурная идентичность, формирующаяся «сверху», равно как и политическая, создаваемая посредством патриотических клише, выступает серьёзным раздражителем «на выходе», в совокупности, и становится основанием для недовольства и мягкого сопротивления.

Правящая элита предлагает обществу достаточно невысокий (по степени сложности раскодирования) культурный текст. Причём данная проблема связывается с относительно непредвзятой аудиторией. Именно аудитория во многом формирует и качество предложения власти, культурный контент проводимой ею политики.

В Ельце целым событием является концерт О. Газманова и С. Пьехи, а самые популярные культурные нюсмейкеры с приходом к власти нового мэра – музыкально одарённые десантники из Тульской дивизии ВДВ. В то же время кургузный, эстетский фестиваль «Джазовая провинция» едва собирает треть зала в городском культурном эпицентре – ЕГУ им. И. А. Бунина, хотя на университетских банкетных мероприятиях самое актуальное музыкальное меню – российское поп-совое, звучащее в сочинских кафе. Безусловно, такой тренд поддерживается самой аудиторией, не готовой остановить власть, заставить её задуматься над тем, насколько актуализируемой ею культурный текст может быть адекватен.

В целях формирования культурной идентичности проводятся и событийные мероприятия, представляющие собой культурный фундамент Особой экономической зоны (ОЭЗ) «Елец». К ним можно отнести такие мероприятия, как фестивали елецкого кружева, событийные фестивали «Антоновские яблоки» – инсценировка городского праздника конца XIX в., и «Елецкая закваска». В интересах городской власти сделать данные мероприятия относительно узнаваемыми, потому как с этим напрямую связывается её легитимность. Администрация города периодически анонсирует свои намерения о сотрудничестве с ремесленниками, мастерами и торговцами сувенирной продукцией для участия в ярмарках на ежегодных туристских мероприятиях.

В конце апреля 2012 г. в Ельце состоялось закрытие межрегионального фестиваля традиционного кружевоплетения на коклюшках «Золотое кружево России». Разумеется, городская и областная политическая элита не упустила представившуюся возможность лишней раз показаться на данном мероприятии. Интересно, что сам фестиваль проходил в Липецке, испытывающем потребность в культурном манифестировании.

Это легко объясняется той же схемой, что и в случае Ельца. Испытывая проблемы в адекватном удовлетворении экономических экспектаций общества, власть станет искать некие культурные каналы легитимации. Именно это мы и видим как на примере Ельца, так и в случае Липецка.

Определённо в интересах правящей элиты проходят и периодические областные ярмарки, проводящиеся во всех районах Липецкой области и посещаемые представителями областной власти. Количество их в конкретном муниципальном образовании может заметно увеличиваться в период как местных, так и региональных избирательных кампаний. В таком случае пространство ярмарки используется для внедрения в него властью не-

обходимых политических смыслов (фото). Что касается Ельца, то культурная сфера здесь практически полностью подчиняется политической воле. Несколько лет назад появилась практика устанавливать на крупных ярмарках широкий экран, по которому горожанам демонстрируют свои месседжи представители как федеральной, так и местной политической элиты. В Ельце многие культурные практики замыкаются на мифе о Ельце как о городе воинской славы – демонстрация указа В. Путина, наделяющего город таким званием, является едва ли не самым популярным и системообразующим нарративом, обеспечивающим политические практики местной элиты необходимым идеологическим и культурным содержанием.

Фрагмент с одной из елецких ярмарок. Елец. 2012 год. На ограде городского парка висит плакат с недвусмысленным содержанием, по сути дела, подтверждающим доминирование политического над культурным

Несмотря на то, что данные мероприятия изначально содержат в себе культурный компонент, являясь при этом своеобразным зеркалом культурной идентичности Ельца, они ещё и отражают саму сущность власти, её эстетический вкус. Власти необходимо пролонгировать своё право на дискурс, а каким образом это будет происходить, не имеет большого значения. Стоимость легитимации правящей элиты может быть и довольно высокой, но власть, как правило, не бывает ограничена в бюджете, да и гражданское общество Ельца не является настолько влиятельным и серьёзным референтом для самой власти, чтобы требовать с неё отчёт по поводу израсходованных средств.

Особенности культурного компонента в политическом тексте г. Ельца проявляются ещё и в специфическом влиянии городской власти на досуговую институционализацию городской молодёжи. Предпочтение отдаётся проектам, так или иначе связанным с патриотической направленностью. Заметна поддержка и тех досуговых

структур, творчество которых может быть востребовано властью в качестве содержания для различных массовых культурных проектов и программ.

Таким образом, деятельность практически всех проектов досуговой сферы имеет определённое отношение к санкции власти. К данным проектам можно отнести военно-патриотические клубы, реконструкторские движения, байк-клубы, файерщиков и др. В фокусе внимания городской власти оказываются и молодые музыканты – для них проводятся рок-фестивали, которые рассматриваются властью как некие агитационные площадки. На наш взгляд, поддержка данных досуговых групп в российской провинции является отличительной чертой современного российского политического процесса. Именно эти группы являются трансляторами необходимых установок в сознание молодёжи. Порождаемый талантливым молодёжью культурный продукт используется властью для создания эффекта широкого охвата городского пространства культурными смыслами,

апеллирующими к городской культурной идентичности, к уникальному явлению Ельца.

Как уже отмечалось, демонстрация культурной составляющей в политическом тексте особым образом представляет саму власть, сообщая об её организаторских способностях. Объем культурного содержания сообщает и о самой властной массе. Подобные проекты вряд ли могли реализовываться в случае присутствия в городе мощных гражданских сил, питающихся от относительно независимого «среднего» класса горожан. Наоборот, социальные структуры российской провинции замкнуты на бюджетную сферу, где всё определяет государственная необходимость. Поэтому своей вариативностью культурный текст может быть обязан работникам бюджетной сферы, занятым в сфере культуры и образования. Поддержание культурной идентичности г. Ельца удаётся при помощи контроля над данными группами, профессионально вовлечёнными в культурный дискурс. Без всяких колебаний поддерживают инициативы городской власти танцевальные коллективы города, спортивные общества, драматический театр, музеи и другие культурные учреждения. Зависимость от городской власти по бюджету и постоянным согласованиям своей внутренней политики предполагает некую отработку, напоминающую академическую задолженность студента перед преподавателем, накопившуюся за время семестра. Именно данные обязательства вынуждают узнаваемых в городе деятелей культуры и искусства включаться в избирательные кампании. В период президентских выборов марта 2012 г. в Ельце отмечалась какая-то немислимая солидаризация городских органических интеллектуалов вокруг фигуры В. Путина.

Подобные попытки насыщения политического текста провинции культурным содержанием представляют собой акцентирование внимания на неких репрезентативных схемах, понимаемых среднестатистическим горожанином. Конечно, это моментально поляризует дискурс, вытесняя из центра елецких интеллектуалов, обладающих более сильным критическим аппаратом. Это способствует их объединению, либо автономизации в рамках альтернативных зон и трещин в культурной телесности Ельца.

Интеллектуальный организм обладает повышенной чувствительностью к попыткам его дисциплинаризации, но отвергает публичную демонстрацию несогласия. Заинтересованность

в анонимности во многом объясняет и переход некоторой части интеллектуалов на сторону интеллектуального и латентного протеста, нашедшего выражение в ряде уличных политических перформансов и хэппенингов. Относительная безопасность подобных протестных форм «выглядит довольно заманчивой перспективой, расширяющей возможности участия в них сомневающейся, колеблющейся и даже не слишком политизированной части общества (преимущественно молодёжи)»⁵.

На наш взгляд, перспективы демонстрации культурного компонента в политическом тексте современной российской провинции и конкретно в г. Ельце будут связываться с электоральными циклами. Культурная идентичность в дискурсе легитимации власти становится важным фактором самого процесса легитимации, что объективирует частоту акцентов и ссылок на неповторимый культурный имидж города, на его узнаваемость и брендинг. Эксплуатация культурных смыслов и символов в рамках неких культурных сюжетов способствует усилению правящей элиты, создавая тем самым набор аргументаций в пользу объективности собственного правления. Наоборот, смещение контроля над культурным нарративом в пользу оппозиции может способствовать повышению её политического веса.

Примечания

- ¹ Ильин А. Н. Конформно-потребительская направленность интеллектуалов. URL: <http://a-protest.org/anarhochtivo/1108-2012-01-20-08-53-24> (дата обращения: 25.09.2012).
- ² Эдуард Лимонов. Проповедь вторника 7 февраля: «Запахло 91-м годом...». URL: <http://limonov-eduard.livejournal.com/190282.html> (дата обращения: 25.09.2012).
- ³ Глухова А. В. Испытания несвободы (интеллектуалы во времена испытаний) // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Философия. 2009. № 1. С. 8.
- ⁴ Лиотар Ж.-Ф. Постмодерн в изложении для детей: Письма: 1982–1985. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2008. С. 31.
- ⁵ Скиперских А. В. Специфика провинциального политического протеста в современной России (на примере города Ельца Липецкой области) // Теории и проблемы политических исследований. 2012. № 2–3. С. 66.